

**КОСТЮМ КАК КОМПОНЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА В ПЬЕСЕ
А. Н. ОСТРОВСКОГО "СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЕМСЯ!"**

Статья посвящена проблеме интерпретации предметного мира, в частности, костюма и его деталей в драматургическом пространстве пьесы "Свои люди – сочтемся!" А. Н. Островского. Рассматриваются социокультурная функция вещного сегмента. Используются описательный, сравнительный, исторический и социокультурный методы. Вещи как социокультурные знаки позволяют проследить изменения в купеческой одежде и разделить героев пьесы на два типа: тип патриархального купца и тип купеческой молодежи, ориентирующейся на культуру Запада. Костюм как составляющий элемент портрета трактуется и как средство создания внешней характеристики персонажей. Обращается внимание на то, что в силу специфики драматургического рода литературы автор не дает развернутых портретных описаний. Помимо этого, лексика семантикой одежды влияет и на развитие сюжета произведения.

Ключевые слова: вещные сегменты, вещный ряд, костюмные реалии, лексика с семантикой "одежда", портрет.

До настоящего времени вопрос о художественной значимости костюма в драматургии А. Н. Островского практически не изучался. Как правило, ведущие литературоведы творчества драматурга (А. И. Журавлева, И. А. Овчинина, А. В. Коробов, А. Ю. Садофьева и мн. др.) акцентировали внимание на деталях национального быта, не затрагивая костюмные реалии [1-4]. Недостаточная степень исследования костюмного сегмента в художественном мире драматурга обуславливает **актуальность данной статьи, цель которой** – осмыслить художественную значимость костюма в портретной характеристике персонажей в пьесе А. Н. Островского "Свои люди – сочтемся!".

По определению В. В. Давыдовой, "костюм – это понятие, включающее в себя все, что искусственно изменяет облик человека, держась на его теле – сюда относятся: одежда, головной убор, обувь, прическа, дополнения (украшения, аксессуары), макияж" [5: 187]. Одежда обладает многими свойствами языка: формирует у читателя зрительные представления о герое, проясняет его принадлежность к определенной социокультурной среде, позволяет выявить человеческие свойства характера. Историк культуры Н. Н. Бабицева пишет: "...одежда, украшения, знаки различия и прически выражают социальную сущность человека, его положение в обществе, его состояние, пол и возраст, и при этом костюм всегда отражает определенное историческое время" [6: 3].

Костюм является наиболее значимым параметром портретного пространства в художественном тексте. Как компонент портрета он наряду с другими его деталями выступает не только художественным способом репрезентации персонажа, визуальным обозначением его внутреннего содержания, но и специфическим социокультурным кодом текста.

Вместе с тем художественные возможности воссоздания костюма и портрета персонажа в целом в произведениях разного рода литературы неодинаковы. Так, писатель-драматург пользуется лишь частью предметно-образительных средств, которые доступны эпическому роду литературы. Портрет и одна из его составляющих костюм в драматургическом тексте, как правило, входят в "рамочный текст", включающий в себя список действующих лиц и ремарки [7].

С этой точки зрения литературоведческий интерес представляет ранняя драматургия А. Н. Островского, органически связанная с литературой "натуральной школы", ориентированной на фактически достоверный социальный анализ современной действительности. Особое внимание писатели "гоголевского направления" уделяли работе со зримой деталью. Поэтика "натуральной школы" нашла свое отражение в ранних драматургических опытах А. Н. Островского, в данном случае и в комедии "Свои люди – сочтемся!". Объектом художественного наблюдения здесь становится купечество Замоскворечья, для изображения которого он обращается к предметным реалиям, среди которых следует выделить костюм.

В ракурсе заявленной проблемы отметим, что А. Н. Островский знал и разбирался в купеческой моде. Интерес писателя к костюму проявился еще в детстве, когда под влиянием сестры Наталии он приобщился к шитью: "Товарищей-мальчишек было у него мало, и время он большей частью проводил в обществе сестры и ее подружек и заодно с ними и научился кроить и шить" [8: 13]. По воспоминаниям многих современников А. Н. Островский обладал "слабостью к щегольской одежде" и даже сам выбирал театральные костюмы актерам [9].

Однако небезынтересно то, что А. Н. Островский в отличие от других драматургов никогда не давал подробный портрет персонажей. Список действующих лиц он выстраивал преимущественно в соответствии с социальной иерархией, игнорируя краткое описание костюма, указание на возраст. Так, в пьесе "Свои люди – сочтемся!" костюмные реалии либо имплицитно воссоздаются посредством какой-

либо примечательной детали внешнего облика героев, выступающей маркером предполагаемой одежды, либо эксплицитно присутствуют в их речи.

Костюмный пласт в тексте составляют 32 лексемы с семантикой "одежда". Костюм как часть портрета является у драматурга важным средством воссоздания внешнего облика персонажей, отличающегося количеством описательных номинаций. Автор либо сознательно не конкретизирует объект изображения, ограничиваясь лишь одним признаком, либо дает фрагментарный портрет, используя две и более внешние характеристики.

Являясь одним из принципов создания портрета действующих лиц, костюм, прежде всего, выступает художественным способом репрезентации их социокультурного мира. Так, в пьесе "Свои люди – сочтемся!" автор представляет нам два поколения купцов: патриархальное и европеизированное. К старшему поколению, охраняющему домостроевский уклад жизни, относятся Самсон Сильч Большой и его жена Аграфена Кондратьевна. Воссоздавая образ главы купеческой семьи, А. Н. Островский выделяет в его портрете лишь одну, но выразительную деталь, являющуюся имплицитным маркером предполагаемой одежды. Эта деталь – борода Самсона Сильча, свидетельствующая о его принадлежности к торговому купечеству. Так, Аграфена Кондратьевна говорит дочери: *"Ведь и тятенька твой не обованенный какой, и борода-то тоже не обшарканная, да целуешь же ты как-нибудь"* [10: 94]. Известно, что торговые купцы носили окладистые бороды, а непременным атрибутом их туалета являлись сапоги с высоким голенищем (особым изыском в этом элементе одежды считались сапоги "со скрипом" и большим количеством складок), широкие черные брюки, длиннополый из толстого сукна сюртук, косоворотка и жилет, который обязательно украшался толстой серебряной или золотой часовой цепочкой. В подобном сценическом костюме играли роль замоскворецкого купца Большова на сцене Малого театра Л. Н. Кулагин, В. В. Петров, И. А. Любезнов и др.

В гардеробе Аграфены Кондратьевны из одежды упоминается лишь понёва. Из слов свахи Устиньи Наумовны выясняется, что в прошлом жена Большова *"чуть-чуть не паневница – из Преображенского взята"* [10: 117]. Зачастую понёвницами называли женщин, носивших понёву – набедренную одежду, являющуюся главным элементом русского крестьянского костюма. Понёва, в пьесе А. Н. Островского, видимо, не случайно заявлена драматургом, она "содержит в себе характеристику низкого социального происхождения" жены Большова [11: 221]. В конце XVIII ст., согласно манифесту о принципах деления городского населения, купечество подразделялось на три основные гильдии: в первую гильдию записывались купцы, чей капитал насчитывал свыше 10 тысяч рублей, во вторую – от 5 до 10, а в третью – свыше 1 тысячи рублей. Большой относится к классу неродовитых купцов. *"Отец-то, Самсон Сильч, голицами торговал на Балчуге; добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили"* [10: 117], – говорит Устинья Наумовна.

Благодаря удачной торговле Большой приумножил свое состояние и разбогател: он имеет несколько лавок, магазин, который *"все равно, что в саду растет"* [10: 99].

Таким образом, такие штрихи внешнего облика Самсона Сильча и Аграфены Кондратьевны, как борода и понёва, выступают здесь имплицитным средством костюма, указывающим не только на национальную принадлежность персонажей, но и на постепенные изменения их имущественного и сословного положения.

В этом смысле портретные зарисовки портрета старшего поколения, следуя типологии Г. С. Сырицыной, можно отнести к портрету-штриху, в котором одна деталь является важной социокультурной приметой купеческого быта [12: 34].

Описание младшего поколения, наоборот, содержит в себе два и более признака. Это тип "фрагментарного портрета", включающего в себя такие лексемы семантического поля "одежда", как платье, блуза, чепчик, жилетка, и т. д. Эти костюмные реалии позволяют проследить за теми преобразованиями в моде, которые произошли после реформ Петра I. Старинная русская одежда постепенно вытесняется из повседневной жизни европейским костюмом. К. Руан, обращая внимание на перемены в культурной жизни России, писал, что "революция в одежде имела ни с чем несравнимый успех" [13: 17]. Следуя иностранной моде, мужчины облачаются в модные сюртуки с большим количеством пуговиц, жилеты с глухим вырезом, брюки в мелкую клетку или полоску, заправленные в сапоги; а женщины – в платья, приспособленные на талии, блузы с рукавами самых причудливых форм, кружевные мантильи, шали.

Такими нуворишами-купцами являются Липочка и ее жених – Подхалюзин. Костюм как элемент фрагментарного портрета молодого поколения демонстрирует не только культурные изменения, происходившие в купеческой моде, но и обозначает социальный статус. Так, Липочка – дочь богатого замоскворецкого купца, имеет в своем гардеробе платья из дорогих *"грозноновых, ...гроденаплевных, да гродафриковых ...марселиновых, ...муслинделиновых ...шинероялевых, ...крепрашелевых ...кисейных, буфмуслиновых, да ситцевых"* тканей [10: 141]. Одежда из грознонового материала, например, считалась самой дорогой, поскольку изготавливалась из "качественного шелкового сырья" [11: 85]. Другие материалы также указывают на высокое материальное положение семьи Большова.

Социальную коннотацию несут в себе и цветообозначения платьев девушки. Среди ее приданного обнаруживается *"блондовое платье на атласном чехле"* [10: 141], которое выполнено из шелка-сырца

золотистого либо белого цвета. Платье такого цвета в 40-х гг. XIX ст. присутствовало лишь в гардеробах очень богатых невест.

Показателями социального статуса в пьесе выступают и аксессуары: "На что мне сережки ваши, у меня и так полон туалет. А вы купите браслеты с изумрудами" [10: 90]. Как правило, "зажиточные купцы дарили женам и дочерям довольно дорогие украшения – золотые кольца с драгоценными камнями, жемчужные ожерелья, золотые серьги, сделанные ювелирами золотые или серебряные гребни для волос тонкой работы" [14].

С помощью лексики с семантикой одежды создается и портрет Подхалюзина. А. Н. Островский акцентирует внимание на том, что одежда приказчика до женитьбы немодная. Однако, добиваясь расположения невесты, он пытается соответствовать ее вкусам:

"Липочка: Вот у вас какая жилетка скверная!

Подхалюзин: Эту я Тишке подарю-с, а себе на Кузнецком мосту закажу...!" [10: 134-135].

Известно, что Кузнецкий мост в период европеизации русского общества был главным местом модной индустрии. Он славился "обилием иностранных магазинов (в основной массе французских), главным образом торгующих модными и галантерейными товарами" [15: 52].

В финале пьесы Липочка и Подхалюзин – хозяева "богато меблированного дома". На ней "шелковая блуза, чепчик последнего фасона", а Подхалюзин "в модном сюртуке" [10: 139]. Модная одежда в их гардеробах свидетельствует о высоком положении молодой четы в обществе.

Выводы. Рассмотрев социокультурную функцию костюма в пьесе А. Н. Островского "Свои люди – сочтемся!", резюмируем, что костюм не только создает культурно-бытовой фон, но и маркирует статусное положение героев в обществе. Вещные сегменты в их характерологической ипостаси позволяют читателю формировать визуальное представление о внешнем облике персонажей.

Необходимо также отметить, что на раннюю драматургию писателя повлиял эпический род литературы, определивший особенности его поэтики. В собственно литературном тексте его пьесы повышается удельный вес описательности благодаря многочисленным авторским ремаркам, развернутым высказываниям персонажей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлева А. И. А. Н. Островский / А. И. Журавлева, М. С. Макеев. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 112 с.
2. Овчинина И. А. Этапы творчества А. Н. Островского : Эстетика национального быта и характера : дисс. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / И. А. Овчинина. – Москва, 2002. – 356 с.
3. Коробов А. В. Социокультурная функция костюма XIX века в пьесах А. Н. Островского : дисс. ... канд. культурол. наук : 24.00.01 / А. В. Коробов. – Шуя, 2012. – 143 с.
4. Садофьева А. Ю. Культурно-бытовые детали художественного текста в сопоставительном изучении : на материале английских переводов произведений Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. Ю. Садофьева. – Москва, 2009. – 171 с.
5. Давыдова В. В. Опыт системного рассмотрения костюма / В. В. Давыдова // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI в. : [материалы междунар. науч. конф., (11-13 апр. 2000 г.)] / Петерб. филос. о-во. СПб., 2000. – С. 191–195.
6. Бабичева Н. Н. История художественной материальной культуры. Костюм XIX в. / Н. Н. Бабичева. – М. : Наука, 1966. – 37 с.
7. Кабыкина Ю. В. Рамочный текст в драматургическом произведении : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Ю. В. Кабыкина. – Москва, 2009. – 205 с.
8. Лакшин В. Я. А. Н. Островский : [полн. собр. соч.] / В. Я. Лакшин. – М. : Искусство, 1973. – 475 с.
9. Москвина Т. В. В спорах о России. А. Н. Островский / Т. В. Москвина. – СПб : К. Тублина, 2010. – 311 с.
10. Островский А. Н. Свои люди сочтемся! / А. Н. Островский // Полн. собр. соч. : в 12 т. – Москва, 1973. – Т. 1. – 99 с.
11. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной литературе XVIII – перв. пол. XX вв. : Опыт энциклопедии / Р. М. Кирсанова. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1995. – 381 с.
12. Сырица Г. С. Язык портрета в романах Л. Н. Толстого "Война и мир" и "Воскресение" : дисс. ... канд. филол. наук / Г. С. Сырица. – Москва, 1986. – 254 с.
13. Руан К. Одежда и идентичность в имперской России // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / К. Руан. – Москва, 2007. – 290 с.
14. Тасалова М. "Бытие и сознание" московского купечества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www.rusk.ru](http://rusk.ru) : <http://rusk.ru/st.php?idar=112540> (2014. 03 марта).
15. Федосюк Ю. А. Москва в кольце Садовых / Ю. А. Федосюк. – М. : Московский рабочий, 1991. – 497 с.

REFERENCES (TRANSLATED & TRANSLITERATED)

1. Zhuravliova A. I. A. N. Ostrovsky [A. N. Ostrovsky] / A. I. Zhuravliova, M. S. Makeev. – M. : Izd-vo MGU, 1997. – 112 s.
2. Ovchinina I. A. Etapy tvorchestva A. N. Ostrovskogo : Estetika natsyonalnogo byta i kharaktera [Periods of the Ostrovsky's Creativity : Esthetics of the National Way of Life and Character] : diss. ... dokt. filol. nauk : 10.01.01 / I. A. Ovchinina. – Moskva, 2002. – 356 s.
3. Korobov A. V. Sotsiokulturnaya funktsiya kostyuma XIX veka v pyesakh A. N. Ostrovskogo [Socialcultural Function of the Costume in the XIX Century in the Ostrovsky's Plays] : diss. ... kand. kulturnol. nauk : 24.00.01 / A. V. Korobov. – Shuya, 2012. – 143 s.

4. Sadofyeva A. Yu. Kulturno-bytovye detali khudozhestvennogo teksta v sopostavitel'nom izuchenii : na materiale angliyskikh perevodov proizvedeniy N. V. Gogolya, M. Ye. Saltykova-Shchedrina, A. N. Ostrovskogo [The Cultural Details of the Artistic Text in the Comparative Study : on the Base of the Works of N. V. Gogol, M. Ye. Saltykov-Shchedrin, A. N. Ostrovsky] : diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.20 / A. Yu. Sadofyeva. – Moskva, 2009. – 171 s.
5. Davydova V. V. Opyt sistemnogo rassmotreniya kostyuma [Experience of the Systemic Analysis of the Costume] // Metodologiya gumanitarnogo znaniya v perspective XXI stoletiya [The Methodology of the Human Knowledge in the Perspectives of the XXI Century] : [materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferenzyi, (11-13 aprelya 2000 g.)]. – Peterb. filos. o-vo SPb., 2000. – S. 191–195.
6. Babicheva N. N. Istoriya khudozhestvennoy materialnoy kultury. Kostyum XIX v. [History of the Artistic Material Culture. The Costume of the XIX Century] / N. N. Babicheva. – M. : Nauka, 1966. – 37 s.
7. Kabykina Yu. V. Ramochnyy tekst v dramaturgicheskom proizvedenii [Framework Text in the Dramaturgical Work] : diss. ... kand. filol. nauk : 10.01.08 / Yu. V. Kabykina. – Moskva, 2009. – 205 s.
8. Lakshyn V. Ya. A. N. Ostrovsky [A. N. Ostrovsky] : [poln. sobr. soch.] / V. Ya. Lakshyn. – M. : Iskustvo, 1973. – 475 s.
9. Moskvina T. V. V sporakh o Rosii. A. N. Ostrovsky [In the Discourses about Russia. A. N. Ostrovsky]. – SPb : K. Tublina, 2010. – 311 s.
10. Ostrovsky A. N. Svoi ludi sochtemsiya! [It's All among the Family // A. N. Ostrovsky // Poln. sobr. soch. : v 12 t. [The Full Number of Woks : in 12 Volumes]. – Moskva, 1973. – T. 1. – 99 s.
11. Kirsanova R. V. Kostyum v russkoy khudozhestvennoy literature XVIII – perv. pol. XX vv. : Opyt entsyklopedii [Costume in the Russian Artistic Literature in the XVIII – the First Half of the XX Century : the Encyclopedic Method] / T. G. Morozova, V. D. Sinyukova. – M. : Bolshaya Rossiyskaya entsyklopediya, 1995. – 381 s.
12. Syritsa G. S. Yazyk portreta v romanakh L. N. Tolstogo "Voyna i mir" i "Voskreseniye" [The Portrait's Language in the Works by L. N. Tolstoy "War and Peace" and "Resurrection"] : diss. ... kand. filol. nauk / G. S. Syritsa. – Moskva, 1986. – 254 s.
13. Ruan K. Odezhdza i identichnost v imperskoy Rosii [Clothes and Identity in the Imperial Russia] / K. Ruan // Grazhdanskaya identichnost i sfera grazhdanskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy imperii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [The Civil Identity and the Sphere of the Civil Activity in the Russian Empire]. – Moskva, 2007. – 290 s.
14. Tasalova M. "Bytiye i soznaniye" moskovskogo kupechestva ["Livelihood and Consciousness" of the Moscow Merchant People] [Elektronnyy resurs]. – Rezhym dostupu : www.rusk.ru : http://rusk.ru/st.php?idar=112540 (2014. 03 marta).
15. Fedosyuk Yu. A. Moskva v koltse Sadovykh [Moscow in the Sadovaya Square] / Yu. A. Fedosyuk. – M. : Moskovskiy rabochiy, 1991. – 497 s.

Матеріал надійшов до редакції 18.02. 2014 р.

Суїчимез А. О. Костюм як компонент соціокультурного портрета в п'єсі О. Н. Островського "Свої люди – розрачуємося!"

Статтю присвячено проблемі інтерпретації предметного світу, зокрема, костюму як найбільш значущому параметру портретного простору у драматургічному творі О. М. Островського "Свої люди – розрачуємося!". Доводиться, що костюм є специфічним соціокультурним кодом. Також мова йде про те, що речі як соціокультурні знаки дозволяють простежити зміни в купецькому одязі і поділити героїв п'єси на два типи: тип патріархального купця, що бажає зберегти домостроївський уклад життя, і тип купецької молоді, яка орієнтується на культуру Заходу. Костюм як складовий елемент портрету тлумачиться і як засіб створення характеристики персонажів. Опис зовнішнього вигляду героїв п'єси дається за допомогою портрету-штриху та фрагментарного портрету. Звертається увага на те, що через специфіку драматургічного роду літератури автор не дає розгорнутих портретних описів.

Ключові слова: речові сегменти, речовий ряд, костюмні реалії, лексика з семантикою "одяг", портрет.

Suichimez A. A. The Costume as the Part of the Socialcultural Portrait in the Play by A. N. Ostrovsky "It's all among Family!"

This article is devoted to the problem of the interpretation of the subject world, in particular, to the suit and its details in the dramaturgic space of the play "It's all among family" by A. N. Ostrovsky. The social-cultural function of the subject segment is examined. The description, comparative, historical and socialcultural scientific methods are used. Things as social-cultural signs allow tracing changes in merchant clothes and they help to divide the heroes of the play into two types: the type of the patriarchal merchant who tries to save the traditions of the XVIII century, and the type of the merchant young people who ignore traditions and are oriented on the culture of the West. The article contains the information on the suit as a making element of portrait. It is examined as a means of the creation of characters description. The description of the main heroes in the play is given in the portrait-line and fragmental portrait. The portrait-line examines one distinctive trait while the fragmental portrait studies more characteristic traits of the personages. The attention is paid to that fact that the author doesn't use the unfolded portrait descriptions due to the dramaturgic sort of literature.

Keywords: costume, costume segments, clothes row, suit realities, vocabulary with the semantics of the clothes, portrait.